

ТАРА ВЕСТОВЕР

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
«ЗАМКА
ИЗ СТЕКЛА»

Ученица

предать, чтобы
обрести себя

Тара Вестовер

Ученица. Предать, чтобы обрести себя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37926816

Ученица: предать, чтобы обрести себя / Тара Вестовер: Эксмо;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-096931-9

Аннотация

У Тары странная семья. Отец готовится к концу света – консервирует персики на случай массового голода и скупает оружие, которым можно уничтожить целую деревню. Мать лечит ожоги и раздробленные кости настойкой лаванды, а братья и сестры не ходят в школу и работают на свалке. Тара знает, как обращаться с винтовкой и управлять строительным краном, но с трудом может читать и писать. Но однажды ее жизнь меняется. Втайне от родителей Тара готовится к поступлению в колледж...

Содержание

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О СИЛЬНЫХ ЖЕНЩИНАХ	5
От автора	8
Пролог	9
Часть первая	13
1. Избирать доброе	13
2. Повитуха	28
3. Кремовые туфли	45
4. Женщины апачей	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тара Вестовер

Ученица: предать, чтобы обрести себя

Посвящается Тайлеру

EDUCATED

Tara Westover

© 2018 by Second Sally, Ltd.

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

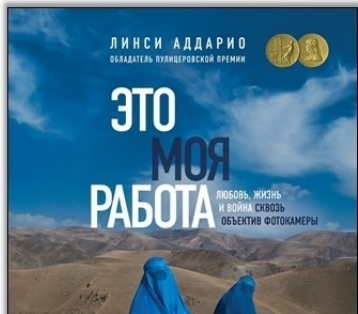
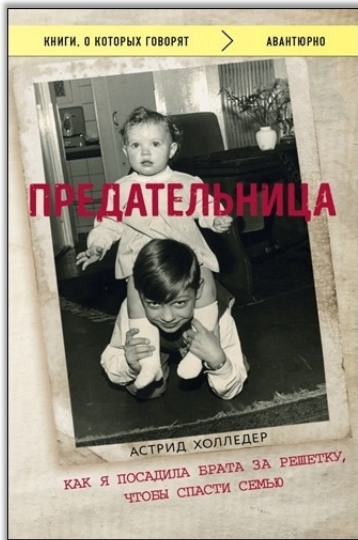
«Прошлое прекрасно, потому что никто не понимает свои чувства сразу же. Осознание приходит позже. Поэтому мы во власти не настоящего, только прошлого».

Вирджиния Вулф

«Я наконец поверил, что образование должно являться продолжающейся реконструкцией опыта. Процесс и цель образования – это одно и то же».

Джон Дьюи

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О СИЛЬНЫХ ЖЕНЩИНАХ

Первая леди. Тайная жизнь жен президентов

Американская писательница Кейт Андерсен Брауэр собрала в своей книге самые шокирующие и трагичные истории о жизни первых леди – от Жаклин Кеннеди до Мелании Трамп. Она взяла более 200 интервью у членов семей и друзей, а также изучила архивные записи, письма и дневники, чтобы показать все интриги Белого дома.

Предательница. Как я посадила брата за решетку, чтобы спасти семью

В 2013 году Астрид и Соня Холледер решились на невозможное: они вступили в противостояние со своим братом Виллемом, более известным как «любимый преступник голландцев». Он не простил предательства и в 2016 году отдал приказ убить Астрид и двух других свидетелей обвинения прямо из нидерландской тюрьмы. С этого момента и началась гонка на выживание.

Последняя девушка. История моего плена и моё сражение с «Исламским государством»

15 августа 2014 года жизнь Надии Мурад закончилась. Боевики «Исламского государства» разрушили ее деревню и казнили ее жителей. Мать, отец и шестеро братьев Надии были убиты, а ее саму продали в сексуальное рабство. Однако она совершила невозможное – сбежала. И сейчас, став

лауреатом Нобелевской премии мира, желает только одного – быть последней девушкой с такой историей.

Это моя работа. Любовь, жизнь и война сквозь объектив фотокамеры

Линси Аддарио – лауреат Пулицеровской премии и одна из немногих женщин, кто не боится работать военным журналистом. Её книга – это сильная история о женщине, которая рисковала своей жизнью и свободой для того, чтобы показать миру настоящую войну. Взгляните на мир через объектив фотокамеры Линси и измените свое отношение к привычным вещам.

От автора

Эта история не о мормонстве. И не о других религиозных убеждениях. В ней вы встретитесь с самыми разными людьми, верующими и неверующими, добрыми и недобрыми. И автор не собирается проводить никаких аналогий – ни порицать, ни возносить.

Эти имена – просто псевдонимы: Аарон, Одри, Бенджамин, Эмили, Эрин, Фэй, Джин, Джуди, Питер, Роберт, Робин, Сэди, Шеннон, Шон, Сьюзен, Ванесса.

Пролог

Я стою на заброшенном красном железнодорожном вагоне, который примостился возле амбара. Воеет ветер, волосы хлещут по лицу, холодок пробирается сквозь расстегнутый ворот рубашки. Облака стремительно несутся над горой, и кажется, что это дыхание пика. Внизу лежит мирная, уютная долина. А ферма наша танцует: медленно раскачиваются тяжелые ели, полынь и чертополох трепещут, склоняясь под каждым порывом ветра. За мной тянутся покатые холмы, подбираясь к основанию горы. А вверху я вижу темные очертания Принцессы Индейцев.

Холм сплошь порос дикой полбой. Если ели и полынь – солисты, то полба – кордебалет. Каждый стебелек вторит движениям, миллион балерин склоняются одна за другой под сильным ветром, который треплет их золотистые головки. Порыв длится лишь мгновение, и в эту минуту я могу увидеть ветер.

Я поворачиваюсь к нашему дому на склоне холма и вижу какое-то движение. Высокие тени упрямо борются с порывами ветра. Мои братья проснулись и проверяют погоду на дворе. Я представляю, как мама хозяйничает у плиты, переворачивая оладьи с отрубями. Отец согнулся у задней двери – он зашнуровывает ботинки со стальными носами и натягивает на мозолистые руки тяжелые краги. Внизу на дороге

появляется школьный автобус – и проезжает мимо, не останавливаясь.

Мне всего семь, но я понимаю, что именно это делает нашу семью особенной: мы не ходим в школу.

Отец беспокоится, что правительство заставит нас учиться, но оно не может этого сделать, потому что не знает о нас. У моих родителей семеро детей, и у четверых нет свидетельства о рождении. У нас нет медицинских карточек, потому что мы родились дома и никогда не видели ни врача, ни медсестры¹. У нас нет школьных дневников, потому что мы никогда не были в школе. Когда мне исполнится девять, я получу «отсроченное свидетельство о рождении», но сейчас для штата Айдахо и федерального правительства меня не существует.

Конечно, я *существовала*! Я росла, готовясь к Дням отворачивания, наблюдая, как темнеет солнце и поднимается Луна, словно налитая кровью. Летом я собирала персики, а зимой перебирала наши припасы. Когда мир людей погибнет, моя семья этого даже не заметит – мы будем жить дальше, словно ничего не случилось.

Я училась по ритмам горы. Их изменения никогда не были фундаментальными, всего лишь циклическими. То же самое солнце каждое утро поднималось, проходило свой путь над долиной и скрывалось за пиком. Выпавший зимой снег

¹ Кроме моей сестры Одри: в детстве она сломала руку и ногу, и ей пришлось наложить гипс.

каждую весну таял. Сама наша жизнь была циклом – циклом дня, циклом времен года – кругом вечных изменений, которые, завершаясь, лишь подтверждали, что ничего не изменилось. Я верила, что моя семья – часть этого бессмертного круга, что мы в определенном смысле вечны. Но вечной была только гора.

Мне всего семь, но я понимаю, что именно это делает нашу семью особенной: мы не ходим в школу.

Отец часто рассказывал нам о горе. Она была огромной и древней – настоящий собор. В горном массиве были и другие вершины, выше и красивее, но Олений пик был самым изысканным. Его основание тянулось на целую милю. Темная гора словно вырастала из земли и превращалась в безукоризненный шпиль. Издалека она напоминала женскую фигуру: ноги – это огромные расщелины, волосы – сосновый лес, покрывавший северный хребет. Женщина-гора была очень сильной – она решительно выставила ногу вперед: скорее выпад, чем шаг.

Отец называл ее Принцессой Индейцев. Она появлялась каждый год, когда начинал таять снег. Лицо ее было обращено на юг. Принцесса смотрела, как буйволы возвращаются в долину. Отец говорил, что по ее появлению индейцы-кочевники понимали, что пришла весна: снег на горе начинал таять, зима кончалась, можно было возвращаться домой.

Отец говорил только о горе и нашей долине, о нашем крохотном кусочке Айдахо. Он никогда не рассказывал мне, что

делать, если я покину гору, пересеку океаны и континенты и окажусь в чужой стране, где на горизонте не будет Принцессы. Он никогда не говорил мне, как понять, что настало время возвращаться домой.

Часть первая

1. Избирать доброе

Самое яркое мое воспоминание вовсе не воспоминание. Я придумала это, а потом запомнила, словно все случилось в действительности. Воспоминание это появилось, когда мне было пять, накануне моего шестого дня рождения. Отец рассказывал нам свои истории, и они были настолько подробными, что у нас с братьями и сестрой в голове возникали настоящие фильмы с выстрелами и криками. В моем фильме были сверчки. Их пение я слышу, когда мы все жмемся друг к другу на кухне с погашенным светом – прячемся от федералов, которые окружили дом. Женщина тянется за стаканом воды, и ее силуэт освещает луна. Звучит выстрел, словно щелчок хлыста. Женщина падает. В моих воспоминаниях всегда падает мама – мама с малышом на руках.

Не знаю, откуда взялся малыш – я была младшей из семейных детей. Но, как я уже говорила, ничего такого на самом деле не было.

Через год после того, как отец рассказал эту историю, мы вечером собрались вокруг него, а он читал нам о пророчестве Исайи о Еммануиле. Он сидел на диване горчичного

цвета, на коленях его лежала большая Библия. Рядом сидела мама, а мы все устроились у их ног на потрепанном коричневом ковре.

– Он будет питаться молоком и медом, – низким голосом монотонно читал отец, уставший от тяжелого дневного труда, – доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе...

Повисла тяжелая пауза. Мы сидели очень тихо.

Отец не был высоким, но умел приковывать к себе внимание. В нем чувствовалась внутренняя сила, торжественность оракула. Своими тяжелыми и мозолистыми руками – руками человека, который всю жизнь тяжело трудился, – он крепко держал Библию.

Отец прочел строку из Библии второй раз, третий, четвертый... С каждым разом голос его возвышался. Глаза, совсем недавно тусклые от усталости, расширились и заблестели. Он нес нам Слово Божие. Он был посланцем Господа.

На следующее утро отец выкинул из холодильника все молоко, йогурт и сыр, а вечером привез домой пятьдесят галлонов меда.

– Исайя не сказал, что есть худое, молоко или мед, – сказал он, с улыбкой наблюдая, как мои братья выгружают белые бочки из грузовика. – Но если спросишь, Господь ответит!

Когда отец прочитал этот стих своей матери, она рассмеялась ему в лицо.

– У меня в кошельке есть несколько пенни, – сказала она. – В них больше здравого смысла, чем в твоей голове.

Бабушка была худой и угловатой. Она обожала фальшивые индейские украшения из серебра и бирюзы. На ее худой шее висели бесчисленные ожерелья, а пальцы были унизаны кольцами. Бабушка жила у подножия холма возле дороги, и мы звали ее Ба-под-холмом. Так мы отличали ее от маминой мамы, Ба-из-города, жившей в пятнадцати милях к югу, в единственном городе нашего округа с одиноким светофором и продуктовым магазином.

Отец и Ба-под-холмом напоминали двух кошек, связанных хвостами. Они спорили дни напролет, ни в чем не уступая друг другу, но их объединяла преданная любовь к горе. Отцовская семья жила у подножия Оленьего пика уже полвека. Дочери бабушки вышли замуж и уехали, а он остался. Отец начал строить скромный желтый дом на вершине холма у подножия горы, но так и не достроил. Он устроил настоящую свалку – одну из множества – рядом с ухоженным бабушкиным газоном.

Они каждый день ссорились – из-за этой свалки, но чаще всего из-за нас, детей. Бабушка считала, что мы должны ходить в школу, а не «носиться по горам, словно дикари». Отец же твердил, что школа – это заговор правительства, направленный на то, чтобы отдалить детей от Бога.

– Послать детей в школу – все равно что отдать в руки самого дьявола, – отвечал он.

Бог велел делиться откровениями с людьми, жившими и трудившимися в тени Оленьего пика. В воскресенье почти все собрались в церкви рядом с дорогой, небольшой часовне светло-коричневого цвета с маленьким скромным шпилем, характерным для мормонских церквей. Отец подождал, пока мужчины рассядутся по скамьям, и начал со своего двоюродного брата Джима. Он размахивал Библией, объясняя всю греховность молока, а Джим спокойно слушал. В конце концов Джим усмехнулся, похлопал отца по плечу и сказал, что ни один разумный Бог не лишит человека домашнего клубничного мороженого в жаркий летний день. Жена Джима потянула его за рукав. Когда он проходил мимо нас, я уловила легкий запах навоза и вспомнила: Джим был хозяином большой молочной фермы в миле к северу от Оленьего пика.

Как только отец начал свой крестовый поход против молока, бабушка буквально забила молоком свой холодильник. Они с дедом пили только снятое молоко, но теперь у них появилось любое – двухпроцентное, цельное, даже шоколадное. Бабушка считала, что теперь нужно поступать только так.

Отец твердил, что школа – это заговор правительства, направленный на то, чтобы отдалить детей от Бога.

Завтрак превратился в испытание преданности. Каждое утро моя семья усаживалась вокруг большого стола из крас-

ного дуба и принималась за еду: либо хлопья из семи злаков с медом и патокой, либо оладьи из семи злаков с тем же медом и патокой. В нашей семье было девять человек, поэтому оладий никогда не хватало на всех. Я ничего не имела против хлопьев, если бы их можно было залить молоком, размочить как следует и прихлебывать из тарелки. Но после откровения нам приходилось заливать их водой. Все равно что целая тарелка грязи.

Очень скоро я стала думать о том молоке, что портилось в бабушкином холодильнике. И тогда начала пропускать завтрак и убегать к амбару. Я мыла свиней, насыпала корм коровам и лошадям, а потом перепрыгивала через изгородь загона, огибала амбар и прибегала к бабушке.

Как-то утром я сидела за столом и наблюдала, как бабушка заливает молоком кукурузные хлопья. И тут она спросила:

– Тебе хотелось бы ходить в школу?

– Не хотелось бы, – ответила я.

– Ну откуда тебе знать! – рявкнула бабушка. – Ты же никогда не пробовала.

Она налила молока и подвинула мне миску с хлопьями, а потом уселась на стул прямо напротив меня и стала смотреть, как я отправляю в рот ложку за ложкой.

– Завтра мы уезжаем в Аризону, – сказала она.

Я уже знала. Бабушка с дедом всегда уезжали в Аризону, когда погода начинала меняться. Дед говорил, что он слишком стар для зим Айдахо – у него кости начинали болеть.

– Поднимайся пораньше, – сказала бабушка, – часов в пять. И мы возьмем тебя с собой. Пойдешь в школу.

Я так и подпрыгнула на стуле. Я пыталась представить себе школу. Но не могла. Я бывала лишь в воскресной школе и ненавидела ее всей душой. Мальчик по имени Аарон сказал девочкам, что я не умею читать, потому что не хожу в школу, и после этого со мной никто не разговаривал.

– Папа сказал, что я могу поехать?

– Нет. Но когда он поймет, что тебя нет, мы уже будем далеко. – Она поставила мою миску в раковину и уставилась в окно.

Бабушка от природы была нетерпеливой, напористой, самодушной. Чтобы посмотреть на нее, нужно было отступить назад. Она красила волосы в черный цвет, из-за чего черты ее лица становились еще более резкими, особенно брови. Каждое утро она подводила их толстыми штрихами, и брови превращались в две огромные угольные арки, слишком высокие, отчего ее лицо приобретало выражение скуки, граничащей с сарказмом.

– Ты должна ходить в школу, – сказала она.

– А папа меня не заберет? – спросила я.

– Твоему папе это не удастся. – Бабушка поднялась и уперлась руками в бока. – Если он захочет тебя забрать, ему придется приехать. – Она помолчала, и лицо ее приобрело расстроенное выражение. – Вчера я говорила с ним. У него работа в городе, и он не сможет собраться и поехать в Аризону,

по крайней мере, пока погода позволяет, и они с мальчиками могут работать целыми днями.

Судя по всему, бабушка все хорошо продумала. Отец всегда работал с рассвета до заката, пока не выпадал первый снег. Он старался заработать достаточно денег на зиму, когда услуги сварщика и строителя почти не требовались. Даже если бабушка сбежит с его младшей дочерью, он не сможет бросить работу, пока автопогрузчик окончательно не заледенеет.

– Мне нужно будет покормить животных перед отъездом, – сказала я. – Он заметит, что я сбежала, если коровы потянутся за оградой за водой.

Той ночью я не могла уснуть. Я сидела на полу в кухне и следила за часами. Час ночи. Два. Три.

В четыре часа я поднялась и отнесла свои ботинки к черному ходу. Они были в навозе. Я была уверена, что в таких ботинках бабушка не пустит меня в машину. В голове возникла картинка, как они стоят на пороге ее дома, забытые и брошенные, а я босиком бегу в Аризону.

Я представила, что будет, когда семья обнаружит, что меня нет. Мы с моим братом Ричардом целыми днями бегали по горам, поэтому до заката, когда он вернется к ужину, а я нет, меня никто не хватится. Я представила, как братья выбегают из дома и разыскивают меня. Сначала они кинутся на свалку и начнут ворочать железяки – а вдруг какой-нибудь лист металла меня придавил? Потом пойдут дальше, проче-

шут ферму, заберутся на деревья и на чердак амбара. В конце концов они пойдут на гору.

К тому времени уже стемнеет – наступят сумерки, тот момент перед приходом ночи, когда остаются лишь тени, чуть более или менее отчетливые, и окружающий мир скорее чувствуешь, чем видишь. Я представила, как братья прочесывают темный лес на склоне горы. Никто не будет разговаривать, все будут думать только об одном. На горе может случиться что угодно. Неожиданно возникают скалы. Дикие лошади моего деда носятся у самой воды. На горе водятся гремучие змеи. Мы уже разыскивали так теленка, который сбежал из амбара. В долине можно найти раненое животное – в горах найдешь только труп.

Я представила, как мама стоит в дверях, всматриваясь в темные горы, а отец подходит к ней и говорит, что они меня не нашли.

Моя сестра Одри наверняка предложит спросить у бабушки, а мама ответит, что бабушка утром уехала в Аризону. Эти слова на мгновение повиснут в воздухе, а потом все поймут, что я сбежала. Я представила лицо отца, прищур его темных глаз и кривящиеся губы. «Думаешь, она сбежала?» – спрашивает он у мамы.

Голос его звучит тихо и скорбно. А потом его заглушают звуки из другого моего воспоминания – сверчки, выстрел, тишина.

Позже я узнала, что это было знаменитое событие – как на Вундед-Ни или в Уэйко. Но когда отец рассказал свою историю впервые, мне казалось, что об этом, кроме нас, не знает никто в мире.

Все началось в конце сезона консервирования, который другие дети обычно называли летом. В теплые месяцы мы всей семьей заготавливали запасы фруктов – отец говорил, что они понадобятся нам в Дни отвращения. Как-то вечером он вернулся домой со свалки встревоженным. За ужином расхаживал по кухне и почти ничего не ел. Сказал, что мы должны все подготовить. Времени осталось мало.

Весь следующий день мы чистили и варили персики. К закату у нас были готовы десятки больших банок, выстроившихся аккуратными рядами. Они еще даже остыть не успели. Отец осмотрел результаты наших трудов, пересчитал банки, шевеля губами, и повернулся к маме:

– Недостаточно.

Вечером отец созвал семейный совет. Мы расселись за кухонным столом – он был широким и длинным, и мы все за ним помещались. Отец сказал, что мы имеем право знать, против чего мы. Сам он сел во главе стола, а мы устроились на скамейках, сколоченных из толстых дубовых досок.

– Недалеко отсюда живет семья, – сказал отец. – Они – борцы за свободу. Они не позволили правительству промыть мозги своим детям в публичных школах, и федералы пришли за ними. – Он глубоко вздохнул. – Федералы окру-

жили дом и держали их там несколько недель. Когда голодный ребенок, совсем малыш, выбрался из дома за едой, федералы его застрелили.

Я посмотрела на братьев. Никогда еще я не видела на лице Люка такого страха.

– Они все еще в доме, – продолжал отец. – Они не зажигают света и ползают по полу, держась подальше от дверей и окон. Не знаю, сколько еды они запасли. Может быть, они умрут от голода, прежде чем федералы их схватят.

Мы молчали. Потом двенадцатилетний Люк спросил, можем ли мы помочь этим людям.

– Нет, – ответил отец. – Никто не может. Они заперты в собственном доме. Но у них есть ружья – вот почему федералы до сих пор их не схватили. – Он сделал паузу и медленно, неловко опустился на низкую скамью. Мне показалось, он постарел буквально на глазах. – Мы не можем помочь им, но можем помочь себе. Когда федералы придут на Олений пик, мы будем готовы.

Вечером отец притащил из подвала стопку старых вещмешков. Он сказал, что это будут наши походные наборы на случай бегства. Весь вечер мы складывали в эти мешки растительные лекарства, средства для очищения воды, кремни и кресала. Отец купил несколько коробок военных пайков, готовых к употреблению. Мы сложили в мешки столько, сколько смогли втиснуть, представляя, как бежим из дома, прячемся за дикими сливами у ручья, а потом съедаем их прямо

в лесу. Братья сунули в свои мешки и ружья, но у меня был только маленький нож. И все же, когда все закончилось, мой мешок был размером почти с меня. Я попросила Люка закинуть мешок на полку в моем шкафу, но отец велел положить его пониже, чтобы сразу же схватить в случае необходимости. И я спала в обнимку со своим мешком.

Я тренировалась скидывать мешок на спину и бежать с ним – мне не хотелось отстать от остальных. Я представляла, как мы бежим среди ночи, чтобы надежно спрятаться на Принцессе. Мне было ясно: гора – наш единственный союзник. К тем, кто ее знает, она будет добра, но для чужаков станет смертельной ловушкой. И мы получим преимущество. Но если в случае появления федералов мы будем прятаться на горе, то зачем консервировать все эти персики? Мы же не сможем взять с собой на гору тысячу тяжелых банок. Или мы забаррикадируемся в доме и будем отстреливаться, питаясь персиками?

Перспектива отстреливаться от федералов казалась весьма возможной. Через несколько дней отец принес домой более десятка военных винтовок, преимущественно самозарядных карабинов. Тонкие серебристые штыки аккуратно прятались под их стволами. Винтовки лежали в узких оловянных ящиках и были покрыты коричневатой смазкой, по консистенции напоминавшей сало. Винтовки нужно было отчистить. Когда все было сделано, мой брат Тайлер взял одну винтовку и завернул ее в черный пластик, обмотав сереб-

ристой клейкой лентой. Взвалив сверток на плечо, он пошел вниз по холму, положил его рядом с красным вагоном и начал копать. Когда яма стала достаточно широкой и глубокой, он опустил в нее сверток. Я наблюдала, как он засыпает сверток землей. Мышцы его бугрились от напряжения. Тайлер до скрипа стиснул зубы.

Вскоре после этого отец купил машину для производства пуль из отстрелянных патронов. Он сказал, что теперь мы сможем продержаться дольше. Я подумала о своем вещмешке, поджидавшем меня в постели, о винтовке, закопанной возле вагона. Машина для пуль меня пугала. Она была очень большой. Отец установил ее в подвале дома. Если нас захватят врасплох, у нас не будет времени, чтобы ее вытащить. Мне казалось, что ее стоит закопать рядом с винтовкой.

Мы продолжали консервировать персики. Не помню, сколько дней прошло и сколько банок прибавилось к нашим запасам, а потом отец рассказал нам продолжение истории.

– Рэнди Уивера застрелили, – дрогнувшим голосом сказал он. – Он вышел из дома, чтобы забрать тело сына, и федералы застрелили его.

Я никогда не видела, чтобы отец плакал, но в тот момент слезы струились по его лицу. Он не вытирал их, и они капали с носа прямо на рубашку.

– Жена услышала выстрел и подбежала к окну с ребенком на руках. И тогда прозвучал второй выстрел.

Мама ахнула, прижала одну руку к груди, другую к губам.

Я смотрела на старый линолеум и слушала рассказ отца: младенца взяли из рук матери, лицо его было покрыто ее кровью.

До этого момента мне даже *хотелось*, чтобы федералы пришли. Мне хотелось приключений. Теперь же я ощутила настоящий страх. Я представила, как мои братья прячутся в темноте, нащупывая потными руками курки своих винтовок. Как мама, уставшая и измученная, ползет от окна. Как я сама лежу на полу, прислушиваясь к резкому стрекоту сверчков в поле. А потом я увидела, как мама поднимается и тянется к кухонному столу. Белая вспышка, звук выстрела, и она падает. Я подсказиваю, чтобы поймать ребенка.

Отец так никогда и не рассказал нам, чем все закончилось. У нас не было ни телевизора, ни радио, поэтому он и сам мог не знать развязки. Последнее, что я помню, это его слова:

– В следующий раз они придут за нами.

Эти слова я запомнила навсегда. Я слышала их в стрекоте сверчков, в звуке переливаемого в стеклянную банку персикового джема, в звяканье металла, когда чистили карабины. Я слышала их каждое утро, проходя мимо старого вагона и останавливаясь над заросшей сорняками ямой, где Тайлер зарыл винтовку. Даже когда отец забыл об откровении из книги Исаяи и мама снова стала ставить в холодильник пластиковые бутылки с двухпроцентным молоком, я все равно помнила про Уиверов.

Было почти пять утра.

Я вернулась в свою комнату. В ушах моих стоял стрекот сверчков и звучали выстрелы. Одри посапывала на двухъярусной кровати. Низкий, знакомый звук... Мне захотелось прилечь рядом. Но я забралась на свою кровать, скрестила ноги и посмотрела в окно. Пять часов. Шесть. В семь появилась бабушка. Я видела, как она бродит по своему дворику, каждую минуту оборачиваясь и поглядывая на наш дом. Потом они с дедом сели в машину и покатали к дороге.

Когда машина уехала, я вылезла из постели и съела миску хлопьев, залитых водой. На улице меня встретил козел Люка, Камикадзе. Я шла к амбару, а он пощипывал меня за рубашку. Я прошла мимо тележки – Ричард сделал ее из старой газонокосилки. Помыла свиней, насыпала коровам корма и перегнала дедовых лошадей на новое пастбище.

Закончив с делами, я забралась на вагон и посмотрела на нашу долину. Было легко представить, что вагон катится, все быстрее и быстрее, и вот уже долина оказывается позади. Я часами играла, представляя себе это, но сегодня ничего не выходило. Я повернулась на запад, отвернулась от полей и уставилась на гору.

Весной Принцесса была особенно хороша – елки освобождались от снега, их темно-зеленые иглы казались почти черными на фоне коричневой коры и земли. Сейчас была осень. Я все еще видела Принцессу, но ее было трудно разглядеть: красная и желтая листва умирающего лета скрывала

темные очертания горы. Скоро пойдет снег. В долине первый снег наверняка растает, но на горе сохранится, укутывая Принцессу до весны. А потом она снова появится и будет следить за нами.

2. Повитуха

– У вас есть календула? – спросила повитуха. – Еще мне понадобятся лобелия и гамамелис.

Она сидела за кухонным столом, наблюдая, как мама роется в наших березовых шкафчиках. На столе между ними стояли электрические весы. Мама взвешивала на них сухие листья. Была весна. Ярко светило солнце, но утром было довольно прохладно.

– На прошлой неделе я приготовила свежую календулу, – сказала мама. – Тара, сбегай принеси.

Я принесла настойку, и мама упаковала ее в пластиковый пакет вместе с сухими травами.

– Что-нибудь еще? – улыбнулась она, но в голосе явственно слышалась нервозность.

Повитуха пугала маму. В таком состоянии она терялась, вздрагивая каждый раз, когда повитуха медленно, плавно начинала двигаться.

Женщина изучила свой список.

– Пожалуй, все, – сказала она.

Повитухе было далеко за сорок. После одиннадцати родов она расплылась. На подбородке красовалась красновато-коричневая бородавка. У нее были самые длинные волосы из всех, что я когда-либо видела, настоящий каскад цвета мышки-полевки. Когда она вынимала шпильки из тугого пучка

на затылке, волосы падали до самых коленей. Тяжелые черты лица, командный голос. У нее не было ни лицензии, ни сертификата. Повитухой она назначила себя сама, и ее слова было более чем достаточно.

Мама стала ее помощницей. Помню, как увидела их вместе впервые и попыталась сравнить. У мамы была нежная кожа, напоминающая розовые лепестки. Волосы мягкими волнами падали на плечи. Веки у нее мерцали. Мама каждое утро делала макияж, а если не хватало времени, то целый день извинялась, словно чем-то обидела окружающих.

Повитуха выглядела так, словно лет десять не думала о себе, но при этом давала всем понять, что замечать это – очень глупо.

Повитуха поднялась и кивнула нам на прощанье. Руки у нее были заняты мамиными травами.

В следующий раз она пришла со своей дочерью Марией. Худая девятилетняя Мария стояла рядом с матерью, копируя ее движения. К груди она прижимала младенца. Я смотрела на нее с надеждой. Мне еще не встречались другие девочки, которые, как и я, не ходили в школу. Я подвинулась поближе, стараясь привлечь ее внимание, но Мария была целиком поглощена словами матери, которая объясняла, как можно использовать калину и пустырник при послеродовых схватках. Она слушала и кивала, не отрывая взгляда от матери. Я побрела в свою комнату, но, повернувшись, чтобы закрыть дверь, увидела, что Мария стоит передо мной, все еще при-

жимая к себе ребенка.

– Ты ходишь? – спросила она.

Я не поняла вопроса.

– Я всегда хожу! – с гордостью произнесла Мария. – А ты видела, как рождается ребенок?

– Нет.

– Я видела, много раз. Ты знаешь, что такое, когда ребенок идет попой?

– Нет, – пробормотала я, словно извиняясь.

Когда мама впервые помогала при родах, ее не было дома двое суток. Она вернулась очень бледной, почти прозрачной. С трудом добралась до дивана и рухнула на него, вся дрожа.

– Это было ужасно, – прошептала она. – Даже Джуди сказала, что ей было страшно. – Мама закрыла глаза. – Но она *не казалась* напуганной.

Несколько минут мама сидела, приходя в себя. Когда щеки ее немного порозовели, она все мне рассказала. Роды были длинные, тяжелые. Когда ребенок наконец родился, все было залито кровью – у матери случились множественные разрывы. Остановить кровь не удавалось. И тут мама поняла, что пуповина обвила шею младенца. Он был такой синий, что мама приняла его за мертвого. Когда она рассказывала об этом, кровь отлила от ее щек, мама смертельно побледнела и обхватила себя руками.

Одри заварила ромашку. Мы проводили маму в постель.

Когда вечером вернулся отец, мама все ему рассказала.

– Я не могу, – сказала она. – Джуди может, а я не могу.

Отец положил руку ей на плечо.

– Это промысел Божий, – произнес он. – Иногда Господь поручает нам трудные дела.

Мама не хотела быть повитухой. Это придумал отец, стремившийся сделать нашу семью полностью самостоятельной. Больше всего отцу ненавистна была мысль, что мы можем в чем-то зависеть от правительства. Он говорил, что когда-нибудь мы сможем стать абсолютно самостоятельными. Как только он накопит достаточно денег, то построит водопровод, чтобы брать воду с горы, а потом установит на ферме солнечные панели. И тогда у нас будут вода и электричество до скончания времен, когда все будут пить из луж и жить во мраке. Мама была травницей. Она могла позаботиться о нашем здоровье. А если она станет еще и повитухой, то сможет принимать внуков, когда те появятся.

Повитуха пришла навестить маму через несколько дней после первых родов. Она привела с собой Марию, и та снова пошла за мной в мою комнату.

– Плохо, что твоей матери достались тяжелые первые роды, – сказала она с улыбкой. – В следующий раз будет легче.

Через несколько недель мама проверила ее слова на практике. Телефона у нас не было, и повитуха позвонила Ба-подхолмом. Бабушка поднялась к нам, злая и усталая, и с порога рывкнула, что маме пора «поиграть в доктора». Она пробыва

у нас всего несколько минут, но разбудила весь дом.

– Почему вы не можете просто поехать в больницу, как это делают все остальные?! – крикнула она, хлопая за собой дверь.

Мама взяла заранее подготовленную сумку и ящик с настойками и лекарствами и медленно побрела к двери. В ту ночь я почти не спала – волновалась за маму. Но на следующее утро мама вернулась взлохмаченная, с темными кругами под глазами и с широкой улыбкой.

– Это была девочка! – сказала она.

Она рухнула в постель и проспала целый день.

Так прошли месяцы. Мама уходила из дома в любое время суток, потом возвращалась, вся дрожа и радуясь, что все кончилось. К началу листопада она уже успела помочь на двенадцати родах. К концу зимы – на нескольких десятках. Весной мама сказала отцу, что с нее достаточно: она сможет принять ребенка, если придется, даже если наступит конец света. Больше этим она заниматься не хочет. Услышав ее слова, отец помрачнел. Он напомнил маме, что такова воля Господа, что это благословение для нашей семьи.

– Ты должна быть повитухой, – настаивал он. – Ты должна сама принимать роды.

– Я не могу, – покачала головой мама. – Кроме того, кто будет приглашать меня, если есть Джуди?

Мама сглазила себя, бросив вызов Богу. Прошло совсем немного времени, и Мария сказала мне, что ее отец нашел

новую работу в Вайоминге.

— Мама говорит, что твоей матери придется взяться за дело, — добавила она.

В моем воображении сразу же возникла волнующая картина: я в роли Марии. Я — дочь повитухи, уверенная в себе, знающая. Но когда я повернулась посмотреть на маму, картина эта сразу же исчезла.

Повивальное дело в штате Айдахо разрешалось, но нужна была лицензия. Если бы при родах что-нибудь пошло не так, на повитуху могли бы подать в суд за занятие медициной без лицензии. А если бы кто-то умер, ее могли бы обвинить в убийстве и даже посадить в тюрьму. Немногие женщины шли на подобный риск. Повитух было мало: в тот день, когда Джуди уехала в Вайоминг, мама стала единственной повитухой на сотню миль вокруг.

К нам стали приходить женщины с огромными животами. Все они умоляли маму помочь им при родах. Мама содрогалась при одной мысли об этом. Одна женщина присела на наш потрепанный желтый диван. Опустив глаза, она сказала, что муж ее безработный и на больницу у них нет денег. Мама слушала ее молча, плотно сжав губы. Но после смягчилась и тихо пробормотала:

— Я не повитуха, лишь помощница.

Эта женщина возвращалась несколько раз. Она снова и снова садилась на наш диван и твердила, что все ее дети рождались без осложнений. Когда отец со своей свалки видел ее

машину, он возвращался и тихо пробирался в дом через черный ход, притворяясь, что пришел напиться. А потом стоял на кухне и медленно пил воду, прислушиваясь к тому, что происходило в гостиной. Каждый раз, когда женщина уходила, отец не мог сдержать возбуждения. В конце концов, то ли войдя в отчаянное положение женщины, то ли решив сделать приятное отцу, мама сдалась.

Роды прошли благополучно. А потом у той женщины оказалась беременная подруга, и мама приняла и ее ребенка тоже. Подруги пошли одна за другой. Маме понадобилась помощница. Вскоре мы с Одри уже целыми днями колесили вместе с ней по долинам, наблюдая, как она осматривает женщин и прописывает им разные травы. Мама стала нашей учительницей – дома-то мы почти не учились. Она объясняла нам, когда и какие лекарства нужно применять. Если у женщины было высокое давление, ей нужно было дать боярышник, чтобы восстановить коллаген и расширить коронарные артерии. Если у другой раньше времени начались схватки, ей нужна была ванна с имбирем, чтобы повысить приток кислорода к матке.

Повивальное дело изменило маму. Она была взрослой женщиной, имеющей семерых детей, но впервые в жизни она стала главной. По-настоящему, без уловок и обмана. Иногда после родов я замечала в ней что-то от Джуди – в решительном повороте головы, во властном изгибе бровей. Мама перестала краситься, а потом и извиняться за отсутствие ма-

кияжа.

За каждые роды мама получала около пятисот долларов, и это тоже изменило ее: неожиданно у нее появились деньги. Отец не считал, что женщины должны работать, но ему казалось правильным, что маме платят за роды, потому что это была его победа над правительством. Кроме того, нам нужны были деньги. Отец работал больше, чем кто бы то ни было, но сварка и строительство амбаров и сеновалов приносили весьма скромный доход. Мама же могла покупать продукты, тратя на еду деньги из маленьких конвертов в своей сумочке. Иногда, если мы целый день колесили по долине, раздавая лекарства и проводя осмотры, мама кормила нас с Одри где-нибудь вне дома. Ба-из-города подарила мне дневник, розовый, с желтым мишкой на обложке, и там я записала, как мама впервые привела нас в ресторан: «очень красивый, с меню и всем таким». Судя по той записи, мой обед стоил 3 доллара 30 центов.

Мама тратила деньги и на то, чтобы стать лучшей повитухой. Она купила кислородный баллон на случай, если ребенок родится и не сможет дышать. Она пошла на курсы шитья, чтобы лучше накладывать швы. Джуди обычно отправляла женщин с разрывами в больницу, но мама решила научиться всему сама. *Самодостаточность*. Думаю, мама всегда помнила об этом.

На остальные деньги мама провела телефон². Как-то раз

² Хотя все знают, что мои родители долго жили без телефона, никто не может

появился белый фургон, и несколько мужчин в темной униформе стали лазить по столбам у дороги. Отец выскочил из дома, чтобы узнать, что происходит.

– Я думала, ты *хотел* установить телефон, – сказала мама так изумленно, что возразить ей было невозможно. – Ты же сам говорил, как это плохо, когда у кого-то начинаются роды, а бабушки нет дома, чтобы принять звонок! Я подумала: «Он прав, нам нужен телефон!» Вот я глупая! Я тебя неправильно поняла?

Отец несколько секунд стоял с разинутым ртом. Потом сказал, что повитухе, конечно же, нужен телефон. Он вернулся к работе и больше об этом не заговаривал. Сколько я себя помнила, у нас не было телефона, но на следующий день он появился. Лимонно-зеленый, блестящий, он расположился возле банок с настойками воронца и шлемника.

Люку было пятнадцать, когда он заговорил с мамой о свидетельстве о рождении. Он хотел получить водительские права. Наш старший брат Тони неплохо зарабатывал, перевоза гравий. Но у него были права. У Шона и Тайлера тоже были свидетельства о рождении. Без документов остались лишь четверо младших: Люк, Одри, Ричард и я.

Мама начала заполнять документы. Не знаю, поговорила

вспомнить, когда именно он появился. Я спрашивала у братьев, тетусшек, дядьев и двоюродных сестер, но так и не могу точно назвать время, так что приходится полагаться на свои воспоминания.

ли она с отцом. Если да, то не могу объяснить, почему он изменил свое решение. Десять лет он не позволял нас официально зарегистрировать, но тут почему-то уступил без борьбы. Думаю, все дело в телефоне. Казалось, отец понял: если он действительно хочет вести борьбу с правительством, нужно идти на определенный риск. Мама стала повитухой, посрамив весь медицинский истеблишмент. Но повитухе нужен телефон. Та же логика распространилась и на Люка: ему нужно зарабатывать, чтобы содержать семью, покупать припасы и готовиться к концу света, поэтому ему нужно свидетельство о рождении. А может быть, мама просто не стала спрашивать отца. Она все решила сама, и он принял это как должное. Возможно, ему даже пришлось временно отступить перед ее силой, сколь бы сильным и харизматичным он ни был.

Я знала, что родилась где-то в конце сентября, и каждый год выбирала день, чтобы он не приходился на воскресенье – неинтересно проводить свой день рождения в церкви.

Начав собирать документы для Люка, мама решила получить свидетельства о рождении и на нас тоже. Все оказалось сложнее, чем она ожидала. Она перерыла весь дом в поисках бумаг, которые подтверждали бы, что мы – ее дети. И не нашла ничего. Что до меня, никто даже не знал точно, когда я родилась. Мама помнила одну дату, отец – другую, а Ба-подхолмом, которая приехала в город и под присягой поклялась,

что я – ее внучка, – третью.

Мама позвонила в церковную службу в Солт-Лейк-Сити. Клерк нашел свидетельство о моем имянаречении в младенчестве и другое, о крещении, которое все дети мормонов проходят в восемь лет. Мама заказала копии документов, и их доставили через несколько дней.

– О Господи! – воскликнула она, открывая конверт.

Во всех документах стояли разные даты рождения, и ни одна не совпадала с той, которую бабушка назвала под присягой.

На той неделе мама каждый день куда-то звонила. Прижав трубку к уху, она готовила, убиралась, смешивала настои желтокорня и кникуса благословенного. Телефонный шнур тянулся через всю кухню. Мама снова и снова твердила одно и то же.

– Да, я должна была зарегистрировать ее, когда она родилась, но я этого не сделала. Вот такие мы люди.

В трубке слышались невнятные голоса.

– Я уже *говорила* вам, и вашему подчиненному, и подчиненным ваших подчиненных, и еще *пятидесяти* людям на этой неделе: у нее *нет* школьных и медицинских документов! У нее их нет! Они не потеряны. Мне не нужны копии! Их не существует!

– Ее день рождения? Скажем, двадцать седьмое.

– Нет, я не уверена.

– Нет, у меня нет документов.

– Да, я подожду.

Голоса всегда предлагали маме подождать, когда она признавалась, что не знает даты моего рождения. Ее переадресовывали к начальникам, словно незнание дня моего рождения делало само мое существование незаконным. Мне словно говорили: «Нельзя быть человеком без дня рождения». А я не понимала почему. Пока мама не решила получить мое свидетельство о рождении, незнание не казалось странным. Я знала, что родилась где-то в конце сентября, и каждый год выбирала день, чтобы он не приходился на воскресенье – неинтересно проводить свой день рождения в церкви. Иногда мне хотелось, чтобы мама дала трубку мне. Я бы все объяснила. «У меня есть день рождения, как и у вас, – сказала бы я. – Просто он меняется. Вам никогда не хотелось поменять день своего рождения?»

Со временем маме удалось уговорить Ба-под-холмом изменить документы под присягой. Бабушка согласилась признать двадцать седьмое, хотя по-прежнему считала, что я родилась двадцать девятого. Штат Айдахо наконец-то выдал мне отсроченное свидетельство о рождении. Помню тот день, когда его прислали по почте. Я почувствовала себя очень странно, держа в руках первое официальное подтверждение своего существования: до этого момента мне и в голову не приходило, что это нужно подтверждать.

В конце концов я получила свидетельство о рождении, и намного раньше, чем Люк. Когда мама сказала голосам в те-

лефоне, что я родилась в последнюю неделю сентября, там просто онемели. Но когда она заявила, что точно не знает, родился ли Люк в мае или июне, на том конце провода окончательно лишились дара речи.

Той осенью мне было девять. Вместе с мамой я ехала на роды. Я долго просила ее взять меня с собой, ведь Мария видела десятки родов, а она была моей ровесницей.

– Я не кормящая мать, – возразила мама. – Мне совершенно не нужно брать тебя с собой. Кроме того, тебе это не понравится.

Но тут ее вызвали к женщине, у которой было несколько маленьких детей, и она договорилась, что во время родов я побуду с ними.

Звонок прозвучал глубокой ночью. Телефон звонил на весь дом. Я затаила дыхание, надеясь, что это не ошибка. Через минуту к моей постели подошла мама.

– Пора, – сказала она, и мы побежали к машине.

Всю дорогу мама репетировала со мной, что я должна буду сказать, если случится страшное и приедут федералы. Ни в коем случае я не должна была говорить, что моя мама – повитуха. Если меня спросят, почему мы здесь, я должна молчать. Мама называла это «искусством вовремя заткнуться».

– Просто говори, что спала и ничего не видела, что ничего не знаешь и не помнишь, как мы тут оказались, – твердила мама. – Не протягивай им веревку подлиннее, чтобы меня

повесить.

Потом мама замолчала. Она вела машину, а я смотрела на нее. Свет приборов с торпеды освещал ее лицо, и оно казалось призрачно-белым на фоне непроглядной темноты проселочной дороги. Я чувствовала мамин страх – он отражался на ее лице, в насупленных бровях и плотно сжатых губах. Только со мной она переставала быть такой, какой ее видели другие люди. Она снова была самой собой, хрупкой, нежной женщиной.

Я услышала шепот и увидела, как шевелятся мамины губы. Мама повторяла, что делать в разных случаях. Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг есть какие-то болезни, о которых ей не сообщили? Вдруг будут осложнения? А если все пойдет, как обычно, но она запаникует и не сможет вовремя остановить кровотечение? Через несколько минут мы будем на месте, и в маленьких, дрожащих маминых руках окажутся сразу две жизни. До этого момента я не понимала, как сильно она рискует. «Люди умирают в больницах, – шептала мама, изо всех сил вцепившись в руль. – Иногда Бог призывает их к себе, и никто ничего не может сделать. Но если это случается с повитухой... – Мама повернулась ко мне и твердо сказала: – Достаточно одной ошибки, и тебе придется навещать меня в тюрьме».

Мы приехали, и мама преобразилась. Она уверенно командовала отцом, матерью и мной. Я почти забыла обо всем, что она мне говорила. Я просто не могла оторвать от нее глаз.

Теперь я понимаю, что в ту ночь впервые увидела ее по-настоящему, впервые осознала ее внутреннюю тайную силу.

Когда дело касается врачей и копов, никто не сможет обвести их вокруг пальца так, как моя мама.

Мама отдавала приказы, и мы беспрекословно ей подчинялись. Ребенок родился без осложнений. В этом было нечто мистическое и романтическое. Я стала свидетелем поворота жизненного цикла, но мама была права: мне это не понравилось. Все было долго, мучительно и плохо пахло.

Больше я не просила взять меня на роды. Однажды мама вернулась домой очень бледной. Она с трудом сдерживала дрожь. Испуганным голосом она объяснила нам с сестрой, что произошло: неожиданно сердечный ритм плода опасно замедлился, она вызвала «скорую помощь», потом решила, что ждать нельзя, и повезла роженицу в больницу на своей машине. Она ехала с такой скоростью, что к больнице ее сопровождал целый полицейский эскорт. В приемном покое она попыталась рассказать врачам все необходимое, не проявив чрезмерной осведомленности, чтобы ее не заподозрили в медицинской практике без лицензии.

Той женщине пришлось делать кесарево сечение. Мать и младенец несколько дней провели в больнице. Только когда они выписались, мама перестала дрожать. Это событие сильно на нее повлияло, и она стала рассказывать эту историю иначе с того момента, когда ее остановил полицейский и с удивлением увидел на заднем сиденье рожаящую женщину.

– Я притворилась совсем растерянной, – говорила нам с Одри мама, и голос ее становился громче и увереннее. – Мужчинам нравится думать, что они спасают бестолковую женщину, которая сама не способна ни с чем справиться. Мне нужно было всего лишь отойти в сторону и позволить *ему* почувствовать себя героем!

Самый опасный момент для мамы наступил через несколько минут в больнице, когда женщину уже увезли. Врач остановил маму и спросил, почему она присутствовала при родах. Вспоминая об этом, мама улыбнулась:

– Я задала ему самые глупые вопросы, какие только смогла придумать. – Она перешла на высокий, кокетливый голос, совершенно не похожий на ее обычный. – «О! Так это была головка ребенка? А разве дети не должны рождаться ножками вперед?»

Доктор окончательно убедился, что она не могла быть повитухой.

В Вайоминге не было травницы, равной маме. Через несколько месяцев после того случая в больнице Джуди снова приехала к нам, чтобы пополнить запасы. Женщины болтали на кухне. Джуди устроилась на барном стуле, а мама облокотилась на стойку, подперев голову рукой. Я взяла список трав и направилась в кладовку. Мария с очередным ребенком последовала за мной. Я доставала с полок сушеные листья и бутылочки с мутными настоями, одновременно рас-

сказывая о маминых подвигах. Наконец я рассказала о случае в больнице. У Марии были собственные истории о том, как они обводят федералов вокруг пальца, но когда она начала рассказывать, я ее перебила.

– Джуди, конечно, хорошая повитуха, – сказала я, гордо выпячивая грудь. – Но когда дело касается врачей и копов, никто не сможет обвести их вокруг пальца так, как моя мама.

3. Кремовые туфли

Моя мама, Фэй, была дочерью почтальона. Она выросла в городе, в желтом домике за оградой из белого штакетника. Вдоль их забора росли фиолетовые ирисы. Мать ее была швей, по мнению многих, лучшей в долине, поэтому в юности Фэй прекрасно одевалась. Наряды сидели на ней идеально, будь то бархатные жакеты и брюки из полиэстера или шерстяные костюмы и габардиновые платья. Она посещала церковь, участвовала во всех школьных и местных мероприятиях. Жизнь ее была абсолютно нормальной, упорядоченной и безупречной во всех отношениях.

За безупречностью семейной жизни строго следила мама Фэй. Детство моей бабушки, Ларю, пришлось на 1950-е годы. После Второй мировой войны наступила эпоха идеалистической лихорадки. Отец Ларю был алкоголиком – в то время никто не говорил о зависимости и сочувствии, а алкоголиков называли просто пьяницами. Бабушка выросла в «неправильной» семье, но семья эта жила в благочестивой мормонской общине, где, как и во многих общинах, грехи отцов перекладывали на детей. Ни один уважаемый мужчина в городе никогда не женился бы на ней. Бабушка познакомилась с моим дедом, хорошим юношей, только что вернувшимся после службы на флоте. Они поженились. И бабушка решила все силы приложить к тому, чтобы создать идеаль-

ную семью – или, по крайней мере, видимость идеальной семьи. Она считала, что так защитит дочерей от социального презрения, мучившего в детстве ее саму.

Отсюда и взялась ограда из белого штакетника и шкафа, полный красивой одежды. Но у бабушкиных усилий был и другой результат: ее старшая дочь вышла замуж за довольно неприятного молодого человека с черными как смоль волосами и склонностью к весьма нетрадиционному поведению.

А вот моя мама с готовностью подчинилась всем бабушкиным требованиям. Она росла послушной, безупречной девушкой. Бабушка хотела подарить дочери то, чего никогда не было у нее самой: маму должны были считать девушкой из *хорошей* семьи. Но Фэй этого не хотела. Мама не была революционеркой в душе, даже на пике своего бунта она сохранила мормонскую веру и главным для себя считала семью и материнство. Но социальные вихри 1970-х годов все же на нее повлияли: она не хотела белой ограды и габардиновых платьев.

Мама часто рассказывала мне о своем детстве, о том, как бабушка была недовольна социальным статусом старшей дочери, о правильных фасонах своих пикейных платьев и безупречном оттенке синего цвета бархатных брюк.

Эти истории почти всегда заканчивались появлением моего отца, после чего бархат сменился на синие джинсы. Одна такая история особенно четко врезалась мне в память. Мне было семь или восемь лет. Мы собирались в церковь. Я взя-

ла влажную тряпку и изо всех сил стала тереть лицо, руки и ноги – все открытые участки. Мама наблюдала, как я через голову натягиваю хлопковое платье, – я выбрала его из-за длинных рукавов, так можно было полностью не мыть руки. Я заметила в маминых глазах грусть.

– Если бы ты была бабушкиной дочкой, – сказала она, – тебе пришлось бы проснуться до рассвета, чтобы красиво уложить волосы. Все утро мы выбирали бы туфли: белые или кремовые? Для нее всегда было важно произвести правильное впечатление.

Мамины губы искривила неприятная улыбка. Она пыталась шутить, но воспоминания были окрашены горечью.

– Даже когда в конце концов выбирались кремовые, мы могли опоздать, потому что в последнюю минуту бабушка впадала в панику и мчалась к кухне Донне, чтобы взять кремовые туфли *у нее*, поскольку у них каблук пониже.

Мама посмотрела в окно и погрузилась в воспоминания.

– Белые или кремовые? А разве это не один и тот же цвет? – удивилась я.

У меня были единственные туфли для церкви. Они были черными, по крайней мере, когда принадлежали моей сестре.

Натянув платье, я повернулась к зеркалу и стерла серую грязь с шеи. Я думала о том, как повезло маме, что она вырвалась из мира, где белый и кремовый – это разные цвета и разница между ними может испортить чудесное утро, ко-

торое можно провести, блуждая по папиной свалке в сопровождении козла Люка.

Мой отец, Джин, был одним из тех молодых людей, которые, взрослея, ухитряются стать одновременно и серьезными, и плутоватыми. Внешность у него была поразительной: черные волосы, резкие черты лица, тонкий, острый, словно стрела, нос, глубоко посаженные глаза. Губы его часто складывались в насмешливую улыбку, словно он смеялся над всем миром.

Мое детство прошло на той же горе, что и у него. Он, как и я, мыл свиней в том же железном корыте. Но о его детстве я почти ничего не знала. Он никогда не говорил об этом, поэтому мне приходилось довольствоваться крупицами информации, полученными от мамы. Мама говорила, что раньше Дед-под-холмом был очень жестоким и вспыльчивым. Мне всегда было смешно это слышать – дед остался таким до самой старости. Мгновенно выходил из себя, и это знали все, кто жил в нашей долине. Жизнь потрепала его и снаружи, и изнутри. Дед был таким же жилистым и выносливым, как лошади, которых он держал в горах.

Ба-под-холмом раньше работала в городе, в фермерском бюро. Когда отец вырос, у него сформировалось твердое мнение относительно работы женщин – радикальное даже по меркам нашей сельской мормонской общины. «Место женщины дома», – твердил он каждый раз, когда видел замуж-

нюю женщину, которая работала в городе. Теперь я стала старше, и мне порой кажется, что такой пыл отца был связан скорее с его собственной матерью, чем с доктриной в целом. Думаю, ему просто хотелось, чтобы *она* была дома и ему не приходилось проводить долгие часы рядом со вспыльчивым и жестоким отцом.

Все детство отец работал на ферме. Сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь думал о колледже. Но, как говорила нам мама, в те времена отец был человеком энергичным, веселым и жизнерадостным. Он водил голубой «фольксваген-жук», носил необычные костюмы из ярких тканей и с гордостью демонстрировал свои модные пышные усы. Они познакомились в городе. Фэй работала официанткой в боулинге, куда Джин как-то забрел в пятницу вечером с парой друзей. Фэй никогда прежде его не видела, поэтому сразу поняла, что он не местный. Она подумала, что он спустился с гор, окружающих долину. Сельская жизнь оставила отпечаток на Джине, он не был похож на других молодых людей: очень серьезный для своего возраста, гораздо более крепкий физически, с собственной точкой зрения.

Жизнь в горах дает человеку ощущение самостоятельности, уединения, даже господства. По этим бескрайним просторам можно часами блуждать в полном одиночестве, среди сосен, трав и камней. Эта необъятность рождает поразительное чувство покоя. Она успокаивает самими своими масштабами, рядом с которыми человек кажется незначи-

тельной букашкой. Джин формировался под влиянием горы, ее драматизма и величия.

Фэй в долине изо всех сил старалась не прислушиваться к обычным для маленького города сплетням, но те проникали в дом сквозь щели в окнах и дверях. Мама говорила, что всю жизнь старалась кому-то угодить. Она просто не могла не думать, какой хотят видеть ее окружающие, и изо всех сил старалась стать такой, пусть даже против собственной воли. Она жила в респектабельном доме в центре города. Рядом стояли еще четыре дома, так близко, что можно было видеть друг друга через окна и шепотом давать советы. Фэй чувствовала себя в ловушке.

Я часто представляла себе тот момент, когда Джин взял Фэй с собой на вершину Оленьего пика и она впервые оказалась в одиночестве. Она впервые не видела лиц и не слышала голосов жителей города. Они остались внизу. Далеко внизу. Карлики по сравнению с горой, листья на ветру.

Вскоре после этого они объявили о помолвке.

Мама часто рассказывала одну историю из своей жизни до свадьбы. Она была очень близка со своим братом Линном, поэтому решила познакомить его с мужчиной, который, как она надеялась, станет ее мужем. Это произошло летом, на закате. Двоюродные братья отца вернулись с работы и устроили дома шутиливую потасовку. Линн приехал и увидел целую комнату кривоногих головорезов, которые орали, потряса-

ли в воздухе кулаками и колотили друг друга. Линну показалось, что он попал в сцену из фильмов с Джоном Уэйном. Ему даже захотелось вызвать полицию.

– Я велела ему прислушаться, – говорила мама, утирая слезы от смеха.

Она всегда рассказывала эту историю одинаково, и это было ее любимое место – стоило ей хоть чуть-чуть отклониться от текста, мы сразу же начинали ей подсказывать.

– Я велела ему послушать, что они кричат. Гул стоял как в осином гнезде, но на самом деле они просто болтали друг с другом. Нужно было прислушаться к тому, *что* они говорят, не обращая внимания на то, *как* они это делают. Так я ему и сказала. Просто Вестоверы разговаривают вот так!

Мы понимали, что разрушение маминой семьи стало рождением нашей. Сосуществовать рядом они не могли. Она могла принадлежать только одному миру.

Когда мама заканчивала эту историю, мы уже катались по полу от смеха. Мы хохотали до рези в животе, представляя себе, как наш сдержанный дядя-профессор впервые увидел буйных отцовских родственников. Линну все это так не понравилось, что он больше никогда у нас не бывал. За всю свою жизнь я ни разу не видела его на горе. Впрочем, это было правильно. Он не пытался вернуть маму в мир габардиновых платьев и кремовых туфель. Мы понимали, что разрушение маминой семьи стало рождением нашей. Сосуществовать рядом они не могли. Она могла принадлежать толь-

ко одному миру.

Мама никогда не говорила нам, что ее родственники были против помолвки, но мы знали. Следы этого не изгладились десятилетиями. Мой отец почти не бывал в доме Ба-из-города, а когда приезжал к ней, то сидел молча, не отрывая взгляда от дверей. В детстве я почти не видела своих тетюшек, дядьев и кузенов с материнской стороны. Мы редко их навещали – я даже не знала, где многие из них живут. Еще реже они приезжали на гору. Единственным исключением была моя тетя Энджи, младшая мамина сестра. Она жила в городе и старалась видаться с мамой.

О помолвке моих родителей я слышала лишь урывками, чаще всего от мамы. Я знала, что кольцо она получила до того, как отец отслужил в миссии – это долг всех мужчин-мормонов. Два года он проповедовал во Флориде. Линн воспользовался его отсутствием, чтобы познакомить сестру со всеми перспективными женихами, каких только мог найти в наших краях, но ни одному не удалось вытеснить из ее памяти сурового фермера, правившего собственной горой.

Джин вернулся из Флориды, и они поженились.

Ларю сшила свадебное платье.

Я видела лишь одну фотографию со свадьбы. Родители позировали фотографу на фоне тюлевого занавеса цвета слоновой кости. На маме традиционное платье из шелка и венецианского кружева, расшитого бусинами. Выреза почти нет –

платье закрывает ключицы. На голове невесты вышитая вуаль. На отце кремовый костюм с широкими черными лацканами. Молодожены буквально излучают счастье: мама спокойно улыбается, на лице отца широченная улыбка, которую не скрывают даже пышные усы.

Мне трудно поверить, что этот спокойный молодой человек на фотографии – мой отец. В моей памяти он навсегда останется мужчиной средних лет, полным страха и тревог, одержимым запасами еды и оружия.

Не знаю, когда человек с фотографии превратился в моего отца. Возможно, это произошло не сразу. Отец женился, когда ему был двадцать один год. Мой брат Тони родился через год. В двадцать четыре отец спросил у мамы, не согласится ли она пригласить травницу, чтобы та приняла у нее роды. Мама согласилась. Родился мой брат Шон. Может быть, это был первый сигнал? А может быть, Джин просто стал самим собой, человеком эксцентричным и необычным, старающимся шокировать всех вокруг своим неподчинением законам? Но когда через двадцать месяцев родился Тайлер, маму отвезли в больницу. Когда отцу было двадцать семь, родился Люк – дома. Роды принимала повитуха. Отец решил не получать свидетельства о рождении, то же произошло, когда на свет появились Одри, Ричард и я. Примерно в тридцать отец забрал моих братьев из школы. Я этого не помню, потому что меня еще не было на свете, но думаю, это была поворотная точка. За четыре года отец избавился

от телефона и не стал продлевать свои водительские права. Он перестал регистрировать и страховать нашу машину. А потом начал копить еду.

Все это – про моего отца, но не про отца моих старших братьев, каким они его помнят. Когда федералы осадили дом Уиверов, отцу только что исполнилось сорок. Это событие подтвердило его худшие опасения. После этого он оказался на войне, пусть даже война шла только в его голове. Возможно, поэтому Тони на свадебной фотографии видит отца, а я – чужого человека.

Через четырнадцать лет после событий в доме Уиверов я сидела в университетской аудитории и слушала лекцию профессора психологии о биполярном расстройстве. До этого момента я никогда не слышала о психических заболеваниях. Я знала, что люди сходят с ума: начинают носить на головедохлых кошек или влюбляются в репу. Но мысль о том, что человек, который живет, работает и общается, может быть психически больным, никогда не приходила мне в голову.

Случившееся сейчас произошло гораздо раньше.
Мать и дочь расстались во второй раз. Цикл повторился.

Профессор скучным, монотонным голосом перечислял факты: обычно болезнь проявляется в двадцать пять лет, хотя до этого никаких симптомов не бывает.

Ирония заключалась в том, что если отец страдал биполярным расстройством – или любым другим заболеванием, объясняющим его поведение, – то та же паранойя, которая

была симптомом болезни, не позволяла поставить ему диагноз и начать лечение. Никто об этом не знал.

Ба-из-города умерла три года назад. Ей было восемьдесят шесть лет.

Я плохо ее знала.

Все те годы, что я провела на ее кухне, она ни разу не говорила мне, каково это – видеть, как твоя дочь запирается в собственном мире, окружает себя призраками и погружается в паранойю.

Когда я вспоминаю ее сегодня, в моей памяти возникает единственный образ – словно слайд в проекторе. Она сидит на скамейке в окружении подушек. Волосы ее завиты тугими локонами, губы растянуты в вежливой улыбке, которая словно приклеена насмерть. Смотрит она доброжелательно, но отстраненно, словно наблюдает за театральным спектаклем.

Эта улыбка преследует меня. Она постоянна, вечна, неизменна, далека, бесстрастна. Теперь я стала старше, но узнать ее могу только через тетюшек и дядьев. И я знаю, что она была совсем не такой.

Я была на ее похоронах. Гроб был открыт, и я всмотрелась в ее лицо. Бальзамировщики плохо поработали с ним – легкая улыбка, которую она носила всю жизнь, словно железную маску, исчезла. Я впервые увидела бабушку без этой улыбки. И только тогда мне стало ясно: она была единствен-

ным человеком, который мог понять, что со мной происходит. Как паранойя и фундаментализм уродовали мою жизнь, как отдаляли меня от самых дорогих людей, оставляя вместо них лишь степени и сертификаты – нечто респектабельное. Случившееся сейчас произошло гораздо раньше. Мать и дочь расстались во второй раз. Цикл повторился.

4. Женщины апачей

Никто не видел, как машина съехала с дороги. Мой брат Тайлер, которому было семнадцать лет, заснул за рулем. Было шесть утра. Почти всю ночь он ехал в полной тишине, перегоняя наш микроавтобус через Аризону, Неваду и Юту. Мы находились в Корнише, маленьком провинциальном городке в двадцати милях к югу от Оленьего пика, когда микроавтобус пересек центральную линию, выехал на встречную полосу, а потом съехал с трассы. Машина рухнула в кювет, врезалась в два столба из прочного кедра и остановилась лишь тогда, когда столкнулась с пропашным трактором.

Эту поездку задумала мама.

Несколькими месяцами раньше, когда начали опадать осенние листья и стало ясно, что лето кончилось, отец находился в отличном настроении. За завтраком он притопывал ногой в такт каким-то мелодиям, а за ужином часто указывал на гору и с горящими глазами рассказывал, где он проложит трубы, чтобы у нас была вода. Отец обещал, что, как только выпадет первый снег, он слепит самый большой снежный ком в штате Айдахо. Он говорил, что пойдет к горе и слепит маленький неприметный снежок, а потом покатит его по склону, и тот будет втрое увеличиваться в размерах на каждом пригорке и в каждой расщелине. Наш дом стоял на вер-

шине последнего холма перед долиной. Возле дома снежный ком станет огромным, как дедов амбар, и люди будут с изумлением взирать на него с дороги. Нужно лишь дожждаться подходящего снега. Густого, липкого, хлопьями. После каждого снегопада мы приносили отцу пригоршни снега и смотрели, как он растирает хлопья в пальцах. Этот снег слишком сухой. Этот слишком мокрый. После Рождества – вот когда будет *настоящий*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.